

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН, Г. Ф. ИЛЬИН, *Древняя Индия. Исторический очерк*, М., Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1969, 736 стр.

Монография Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина «Древняя Индия» по праву может считаться большим успехом советского востоковедения. Впервые в нашей стране появился капитальный труд, дающий всестороннюю и хорошо аргументированную характеристику важного периода истории Индии. Потребность в такой книге была очень велика как ввиду глубокого интереса широкого круга советских читателей к истории древней Индии, так и в чисто научном плане, с точки зрения разработки целостной концепции исторического процесса в этой стране. Рецензируемая книга завершает серию монографий по основным периодам истории Индии, подготовленную Институтом востоковедения АН СССР («Новейшая история Индии», М., 1959; «Новая история Индии», М., 1961; «История Индии в средние века», М., 1968). Существование этих больших работ, конечно, в какой-то мере облегчило Г. М. Бонгард-Левину и Г. Ф. Ильину редакционную подготовку книги: им удалось достичь большей целостности и четкости изложения, чем, например, авторскому коллективу «Истории Индии в средние века» (это замечание, естественно, ни в какой мере не имеет в виду подвергнуть сомнению то обстоятельство, что решающее значение здесь имел талант авторов «Древней Индии»). Во всех этих отношениях их задача была неизмеримо труднее, чем у их коллег.

Индийская древность наименее изучена советскими историками, особенно в плане социально-экономической истории — главного направления советской востоковедческой школы. Число специалистов по этому периоду крайне мало, что отчасти сказалось и на числе авторов «Древней Индии». В зарубежной индологической литературе изучение древности приняло довольно одностороннее направление — изучалась главным образом

гражданская и культурная история, многие проблемы социально-экономического развития оставались почти затронутыми. Критический анализ обширнейшей научной литературы представлял серьезную трудность. Нельзя недооценивать и сложность обобщения огромного фактического материала источников.

Авторы превосходно справились со своей задачей, использовав достижения мировой индологии и внося серьезный личный вклад в разработку многих важных проблем. Значительная часть книги основана на получивших широкое признание в нашей стране и за рубежом (в первую очередь в Индии) исследованиях авторов.

Монография охватывает столь широкий круг вопросов, что попытка коснуться их всех в небольшой рецензии неизбежно носила бы формальный характер. Поэтому остановимся главным образом на моментах, которые представляются наиболее существенными — освещении авторами процесса социально-экономического развития и эволюции социальной структуры¹.

Значительное место в книге уделено археологической истории Индии — отрасли, пожалуй наиболее стремительно и плодотворно развивающейся. Обобщение в книге результатов археологических раскопок последнего времени позволило создать довольно цельное представление об историческом развитии Индии в дописьменный период и отбросить целый ряд малообоснованных предположений и домыслов. Разумеется, и сейчас очень многое остается на уровне гипотез и многие важные звенья еще неизвестны.

Г. М. Бонгард-Левин в главе II дает весьма объективную характеристику протоиндийской цивилизации, справе-

¹ Многие проблемы были затронуты в рецензии И. Д. Серебрякова (НАА, 1971, № 2).

ливо отмечая невозможность в настоящее время дать определение социально-экономических отношений и политической структуры этого общества. Все же анализ имеющегося археологического материала полезно было бы дать более конкретно. Например, для читателя имеют немалое значение сведения о размерах и ориентировочной численности населения городов, размерах и вместимости зернохранилищ, об источниках существования жителей городов и т. п. Такого рода данные позволили бы получить представление о неаграрной основе по крайней мере крупных городов, как Мохенджо-Даро и Хараппа, поставили бы вопрос о роли экономического (путем продуктообмена) и внеэкономического контакта городов с сельскохозяйственной округой и т. д. В частности, обширные зернохранилища, принадлежавшие, очевидно, властям, государству, являются скорее всего свидетельством концентрации сельскохозяйственных продуктов в результате налогового обложения земледельцев, хотя нельзя исключить полностью существование государственного земледельческого хозяйства (стр. 112). Но хозяйство по переработке зерна с использованием труда зависимых существовало определенно (платформа для ступ и комплекс стандартных мелких жилых помещений рядом с амбаром в Хараппе).

Г. М. Бонгард-Левин обоснованно подчеркивает, что причины упадка хараппского общества надо искать во внутренних его противоречиях, ослабивших способность сопротивления экспансии племен из Южного Белуджистана и, возможно, Ирана. Другие гипотезы на этот счет не объясняют общего кризиса на столь обширной территории с различными условиями.

Вторичное возникновение в Индии государства и классового общества было лишь опосредствованно и в малой степени связано с древнейшей цивилизацией. Поэтому описанию этого процесса у ариев должна была бы предшествовать экспозиция, посвященная племенам, с которыми ариям пришлось вступить в контакт во время их расселения в Индии и которые составили местный компонент последующего культурного синтеза. Здесь, как нам кажется, авторы допустили композиционный просчет, поместив сведения об энеолитических культурах II тыс. до н. э. в главу VIII — «Племенной мир в первой половине I тысячелетия до н. э.». Вместе с тем заголовок лишь в малой степени раскрывает содержание этой главы. Прежде всего из «племенного мира» нет оснований исключать арийские племена. Более полное представление об отсталой периферии индоарийской цивилизации можно было бы дать, используя письменные источники и расширив хронологические рамки главы до первых веков до н. э. Непосредственно с этой те-

мой связан такой важный вопрос социальной структуры, как формирование *варн шудр* и «пятой *варны*» — многочисленных низших и неприкасаемых, так называемых вневарновых каст. Между тем эта связь оказалась вне специального рассмотрения авторов книги.

Автор главы V о происхождении *варн* и сословно-кастового строя Г. Ф. Ильин подробно критикует устаревшие, а подчас и просто антинаучные теории, связанные с этой проблемой. Объяснение первоначального социального расслоения выделением общественных функций (военной и жреческой) с последующим возникновением соответствующих сословий отвечает современным научным представлениям (этот процесс, по-видимому, может рассматриваться как универсальный). Однако заключение автора, что «решающим фактором в возникновении оформленной иерархической системы было не появление новых общественных функций, как бы важны они ни были, а развитие общественного неравенства, приведшее к выделению знати, которая захватила эти новые функции, обеспечивавшие укрепление ее положения в обществе» (стр. 169), является противоречивым.

Причина возникновения неравенства в первобытном обществе в конечном итоге оказывается в книге не связанной с социальными функциями, знать лишь использовала для их закрепления своего господства, создав сословные перегородки. Таким образом, мы здесь видим попытку исправления бытовавшей в советской литературе и давно уже вошедшей в противоречие с фактами точки зрения о создании сословий-*варн* государством с целью оправдания классового неравенства. Поэтому, по-видимому, не случайным было и рассмотрение проблемы возникновения государства в главе IV, до вопроса о *варнах* и вне связи с ними. Показательно что в этой главе Г. Ф. Ильин говорит о власти *раджей* и правящем слое в ведическую эпоху и в первой половине I тыс. до н. э. безотносительно к *варнам*. При таком изложении остается неясным, как же появилась и что собой представляла «знать», захватившая военную и жреческие функции, и искажается историческая роль *варн*: с нашей точки зрения, их значение заключалась в первую очередь в создании предпосылок для распада первобытнообщинного строя и сложения государства. Согласно концепции, изложенной в рецензируемой книге, появление *варн* вообще необязательно и лишь придает процессу специфическую форму.

Насколько можно понять, авторы считают основой возникновения государства растущий антагонизм «богатых и знати» и простого народа (стр. 151 и др.). Такое понимание вопроса означает преодоление формулировки, гласящей, что

древнеиндийское государство создавалось для подавления сопротивления рабов. К сожалению, этот раздел недостаточно разработан и определен, существо взаимоотношений противостоящих социальных групп не конкретизировано, акцент сделан на имущественные отношения, что преуменьшает роль внеэкономических связей, обусловленных прежде всего *варновой* системой.

Происхождение *варны шудр* обосновано характеризуется как сложное — частично из ариев, выпавших из коллектива общинников или из племени, частично из побежденных племен. Однако неясно, какое место в сложении этой *варны* отводится покоренному автохтонному населению. По многим признакам нам кажется, что большинство *шудр* было неариями. Это предположение хорошо объясняет и их религиозную отчужденность и прочие особенности их статуса, в частности неоднократно декларируемую в *дхармашастрах*, но не соответствующую современной этим памятникам действительности обязанность служить всем дважды рожденным. Г. Ф. Ильин объясняет это тем, что большинство *шудр* было наемными работниками (с этим вряд ли можно согласиться), близкими по своему фактическому положению рабам, почему они и описываются как предназначенные для услужения (стр. 391—392). Более естественным было бы считать эту принужденность к услужению (*дасья*) действительно присущей *шудрам* в прошлом. Арии становились *шудрами*, лишившись средств существования и будучи вынужденными получать пропитание работой на других, покоренные неарии были принуждаемы к работе на победителей и суровым формам зависимости. Такой зависимостью могло быть крепостничество, похожее на древнегреческую илотию и другие сходные формы господства над побежденными племенами. Г. Ф. Ильин отвергает это предположение, исходя из того, что *шудры* не были *варной* рабов, а илоты, по его мнению, были рабами. Однако ссылки для доказательства этого последнего тезиса на греческих авторов неудачны, поскольку по своему экономическому положению илоты были мелкими земледельцами, платившими спартанской общине оброк. Сам автор считает естественным, что «в их распоряжении оставалось хозяйство, имущество, необходимое для его ведения, и семья» (стр. 392). В принципе он допускает возможность, что некоторые побежденные племена могли оказаться на положении, близком положению илотов, и приводит в пример государство шакьев (стр. 393).

Действительно, архаичные формы господства-подчинения мы, по-видимому, можем проследить в немонархических кшатрийских объединениях типа республики шакьев, которым посвящены некоторые работы Г. М. Бонгард-Левина,

в том числе соответствующие материалы в рецензируемой книге (глава XVIII). Эти данные имеют огромный интерес, поскольку позволяют познакомиться с очень древней социальной организацией; государство здесь выступает как господствующая община кшатриев, коллективно эксплуатирующая трудовое население; многие факты проливают свет на проблемы генезиса классового общества. Нельзя не согласиться с выводом авторов о возможности сопоставления политических организаций индийских и античных государств (стр. 413), иными словами, об универсальности путей социального развития.

В то же время и это сопоставление, и конкретные сведения о взаимоотношениях эксплуататорской верхушки в *ганах* и *санехах* (республиках) и подневольного населения, именуемого *дасами* (обычно *даса* понимается как синоним раба), заставляют сомневаться в определении этих отношений, авторами монографии как отношений рабовладельцев и рабов, а в целом материал, приведенный в данной связи, так же как и в отношении *варны шудр*, наводит на мысль о некорректности однозначного толкования термина *даса*. Об этом уже приходилось писать². Этот вывод подтверждается и анализом фактического положения различных категорий *дасов*.

Вопрос о рабстве и его роли в хозяйственной жизни весьма детально освещается в гл. XIV, как и во всех остальных частях «Древней Индии». Это сделано основательно, приводится много фактического материала, обобщения базируются на большом числе источников. Но общие оценки автора этого раздела Г. Ф. Ильина все же не представляются убедительно обоснованными. Тезис о широком применении труда рабов в основных сферах производств нельзя считать доказанным. Как можно заключить из текста, фактов о труде рабов в основной сфере производства — земледелии очень мало, он использовался главным образом как подсобный (притом большинство этих рабов было женщинами). Крупные поместья, где определенно эксплуатировали рабов (наряду с *кармакаррами* и арендаторами) представлены тремя-четырьмя примерами. Сведений о рабском труде в ремесле ничтожно мало. Примеры использования рабов в качестве пастухов совсем неудачны, так как речь идет о людях, которые получают плату и возмещают нанесенный хозяину материальный ущерб. Внимательное рассмотрение данных о производственной роли рабовладельца показывает, что она была весьма ограниченной и утверждение о существ-

² Е. М. Медведев. К вопросу о социальном-экономическом строе древней Индии, ИАА, 1966, № 6, стр. 66-67.

вовании в древней Индии развитого рабовладения звучит декларативно.

Г. Ф. Ильин пишет: «Древнее общество становится рабовладельческим задолго до того, как рабство начинает играть решающую роль в основных сферах производства (если это вообще случается). При переходе от бесклассового общества к классовому вследствие принципиального различия между ними наличие даже незначительного рабовладельческого уклада могло стать определяющим и наложить свой отпечаток на все стороны жизни: отношения между свободными, государственный строй, семейные отношения, идеологию и т. д.» (стр. 360). Было бы неправильным не принимать во внимание влияния рабовладельческого уклада, в частности, на надстройку. Нельзя, однако, не отметить, что до настоящего времени не было убедительных попыток доказать рабовладельческий характер надстроечных институтов в древней Индии. Это считают само собой разумеющимся, поскольку принимается, что общество рабовладельческое³.

Нельзя не отметить также, что в рецензируемой монографии остался по существу нераскрытым тезис о рабовладельческом характере надстроечных институтов. Авторы просто считают рабовладение единственной альтернативой первобытнообщинных отношений и соответственно все моменты, связанные с классовым обществом рассматривают как проявления рабовладельческой формации. На наш взгляд, такой подход упрощает картину (стр. 360).

Многие спорные положения книги обусловлены пониманием авторами некоторых теоретических вопросов, в частности проблемы собственности.

Последовательное развитие защищаемой в монографии концепции собственности неизбежно ведет к признанию полной частной собственности единственной формой собственности, при этом привлекает внимание чисто юридический принцип ее выделения — по праву распоряжения, отчуждения и наследования (стр. 570 и др.). Реальному экономическому отношению, заключающемуся в том, что земледелец не является хозяином прибавочного продукта и вынужден его отдавать господствующему классу (государству и частным лицам), здесь в связи с этим не придается значения, во всяком случае, по мнению авторов, оно никак не влияет на классовую характеристику общинников.

Однако, чувствуя, что даже с юридической точки зрения их понимание собственности вступает в противоречие с фактами, авторы, указав на давние споры среди зарубежных индологов по вопросу

о том, кто в древней и средневековой Индии был собственником земли (царь, земледелец, община)⁴, делают вывод о «множественности» собственности, когда разные лица имеют права на один и тот же объект (стр. 315 сл.). Эта плодотворная мысль, к сожалению, в книге не развернута, оказалась как бы чуждой принятой в этом издании системе взглядов и никак не сказалась на логике изложения.

В частности, с позиций «множественности» собственности может быть оспорена критика авторами теории «азиатского способа производства» в толковании Е. Варги (кстати, авторы почему-то опустили вариант Н. Б. Тер-Акопяна и Л. С. Гамаюнова, ближе связанный с индийским материалом). «Азиатский способ производства» отвергается, между прочим, на том основании, что существование частной собственности делает невозможной государственную собственность. Но если собственность имеет «множественный» характер, это положение неверно. Г. Ф. Ильин пишет: «Государство нельзя считать единственным собственником всей земли» (стр. 580)., Г. М. Бонгард-Левин отмечает, что царь «полным собственником» был лишь на землях царского фонда (стр. 316). Из этого, казалось бы, можно было заключить, что общинник не являлся единственным собственником своей земли, а царь мог быть неполным собственником земель общинников, но фактически авторы придерживаются мнения, что царь не обладает никакой собственностью на земли плательщиков налогов (кроме права на рудники, — стр. 315).

С юридическим пониманием проблемы собственности связан тезис авторов о существовании в древней Индии только двух укладов — первобытнообщинного и рабовладельческого, причем к первому отнесены и общинники, обязанные уплатой налога государству в антагонистическом обществе, и остальные племена, сохраняющие еще строй первобытного коммунизма. Между тем положение их коренным образом различно.

Авторы полагают, что частное владение деревнями в Индии до начала н. э. есть лишь передача государством налогов в пользу частного лица (даже в том случае, если это владение наследственное). Мы должны, таким образом, допустить, что они отрицают феодальный характер ограниченных в праве пожалований типа бенефициации и государственной собственности в индийском средневековье, или, коли существование таких форм феодальной собственности ими признается заключить, что они к одинаковым по эко-

³ См., например, З. М. Черниловский, История рабовладельческого государства и права, М., 1965.

⁴ Участники этой дискуссии были весьма далеки от марксистского понимания собственности как элемента производственных отношений.

номическому существу явлениям подходить с разными мерками.

Как признают авторы, именно из пожалований доходов государства возникает в первые века н. э. частное феодальное землевладение. По мнению Г. Ф. Ильина, первое бесспорное упоминание о пожаловании деревни не только с принадлежащими ей землями, но и с ее обитателями относится только к VII в. В этом Г. Ф. Ильин видит показатель превращения свободных общинников в феодально зависимое крестьянство (стр. 572). Однако, следуя логике авторов, нам придется допустить в таком случае, что государство могло осуществить пожалование населения деревни, только уже обладая соответствующими правами на их личность, т. е. что государство из несобственника каким-то образом само стало собственником не только земли, но и крестьян, прежде чем оно могло сделать собственником частное лицо, а именно это авторы отрицают.

Если обратиться к фактическому материалу, можно увидеть, что в самых ранних дарственных грамотах (II—VI вв. н. э.) речь идет о пожалованиях населенной территории, власть над которой передается государством частному лицу. Права феодала вполне отчетливо обрисовываются податным, административным и судебным иммунитетам, а также правом на принудительный труд *висти*⁵. Правда, иммунитетные формулы очень лаконичны и не стандартизованы и более полно раскрываются главным образом в надписях VI—VII вв., но вряд ли это даст основание считать, что владелец пожалования не обладал сеньориальными правами (стр. 572).

В подтверждение мысли о том, что пожалование деревни на самом деле таковым не являлось, автор главы XXVI Г. Ф. Ильин приводит грамоту о дарении брахману половины деревни с освобождением от постоя (стр. 568). Но если этот брахман реально не владел деревней, а просто получал половину дохода с нее, то какое значение имело для него освобождение от постоя? Количество же земли и число крестьян при пожаловании деревни (стр. 568) не указывалось не только в древности, но и в средневековье (см. грамоты VI—XII вв.), но давалось описание границ деревни (естественно, оговаривалась площадь небольших участков). На наш взгляд, нельзя найти принципиальные различия в грамотах описано-гуптского периода и более поздних. Формулы самых ранних грамот из пещер Карли и Насика (II в.) поразительно похожи на более поздние тексты, а иммунитеты определенно указывают на реальное владение на-

селенной территорией, а не только доходом (см. EI, vol. VII, № 3, стр. 65—67); феодальный характер пожалования хорошо виден при сравнении надписей № 4 и № 5. В первой из этих надписей сообщается о дарении поля в 200 *нивартан* общине бхикшу в деревне Зап. Какхеди, причем запрещается вступать на эту территорию, вмешиваться в дела и рыть соль представителям властей, т. е. речь идет об административном иммунитете и атрибуте собственности. Во второй надписи, сделанной шесть лет спустя, сообщается, что это поле не вспахано и деревня не населена, почему общине взамен даруется поле в 100 *нивартан* в царской деревне с теми же иммунитетами (там же. № 5, стр. 73—74). Упоминание о ненаселенности первой деревни прямо указывает на то, что земля без трудящихся на ней крестьян не представляла ценности. Между тем в рецензируемой монографии делается вывод, что это поле должно было обрабатываться рабами и *кармакарами* (стр. 576).

К сказанному надо добавить, что установление личной зависимости крестьян пожалованных деревень от новых владельцев отнюдь не выражалось в крепостном праве, которого в массовых масштабах мы в Индии вообще не наблюдаем.

Таким образом, можно констатировать преувеличение в данной книге роли феодальных производственных отношений даже в эпоху сложения феодальной формации.

Представляется, что именно недооценка феодальных институтов предопределила принятую здесь периодизацию, относящую к древности гуптское время. Это вынудило авторов описывать генезис феодализма. Следовательно, к средневековью, с точки зрения авторов, приходится относить только уже сложившееся феодальное общество, отсекая его начало. Это свидетельствует о необходимости уточнения периодизации, разработанной для «Всемирной истории» в начале 50-х годов.

Объективной основой позиции авторов в данном вопросе, думается, служит характер хронологического распределения сведений, касающихся социально-экономических отношений. Дело в том, что большая и наиболее ценная часть данных о рабстве содержится в источниках I—VI вв. н. э., т. е. относится к тому времени, когда появляется множество свидетельств широкого распространения частного феодального землевладения. Более древние источники сообщают относительно немного данных о частном владении деревнями, но и рабовладельческий уклад они характеризуют весьма скупо.

Сказанное выше затрагивает малую часть содержания этого большого и важного труда. Сознавая это, рецензент имеет возможность лишь кратко отметить некоторые иные аспекты книги.

⁵ Подробно см., например, «История Индии в средние века». М., 1968, стр. 52—56.

Авторы уделили много внимания археологическим разделам, используя серьезные достижения археологической науки в Индии. В книге нашли отражение исследования и советских археологов, правда, пока еще не очень многочисленные (В. М. Массона, А. Я. Щетенко и др.). Сами авторы в прошлом посвятили этой отрасли исторической науки ряд работ⁶. Следует отметить, что защищавшаяся в статье Г. М. Бонгард-Левина и Д. В. Деопика 1957 г.⁷ идея о принадлежности носителей культуры медных кладов и желтой керамики к народам группы мунда получила подтверждение в 60-е годы. Эта гипотеза занимает важное место в картине этногенеза народов Индии, довольно подробно освещенной в рецензируемом труде. Особый интерес представляют разделы по истории Южной Индии, базирующиеся почти исключительно на археологическом материале до появления эпиграфических и иных, впрочем крайне скудных, источников.

Г. Ф. Ильину принадлежит заслуга глубокого изучения рабства в древней Индии, остававшегося раньше вне серьезного внимания исследователей. Он же убедительно опроверг имевшее широкое хождение представление о том, что *шудры* были *варной* рабов⁸. Несмотря на сделанные выше критические замечания, нельзя не признать, что рабовладельческий уклад освещен в книге с большой полнотой.

Большой интерес в «Древней Индии» представляют разделы, посвященные истории и политической структуре маурийской державы, написанные в большей мере на основе широко известных исследований Г. М. Бонгард-Левина, сумевшего по-новому прочесть источники и ввести в научный оборот неизвестные раньше ценные материалы⁹. Особенно плодотворным оказалось тонко проведенное сопоставление эпиграфических и античных источников и индийской исторической традиции, позволившее весьма существенно откорректировать многие ставшие уже привычными представления и с гораздо большей полнотой обрисовать маурийскую эпоху в целом.

⁶ См. Г. Ф. Ильин, Древний индийский город Таксила, М., 1958, и ряд статей Г. М. Бонгард-Левина.

⁷ Г. М. Бонгард-Левин и Д. В. Деопика, К проблеме происхождения народов мунды (В свете археологических исследований последних лет), СЭ, 1957, № 1.

⁸ См. Г. Ф. Ильин, Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов, ВДИ, 1950, № 2; он же, Особенности рабства в древней Индии, ВДИ, 1951, № 1 и др.

⁹ См., в частности, Г. М. Бонгард-Левин, О. Ф. Волкова, Легенда о Куяале, М., 1963.

Заслуживает одобрения стремление авторов дать всестороннее представление о древнеиндийском обществе, не упуская из виду моменты, которые в общем оставались пока еще вне поля зрения советских индологов, — такие, как семейные отношения, особенности быта. Нам представляется, однако, что вопрос о семейных отношениях должен быть тесно увязан с общиной, которой следовало уделить большее внимание.

Много места в книге занимают разделы о культуре и религии, содержащие большой фактический материал.

Дискуссионность многих узловых проблем социально-экономического строя древней Индии свидетельствует вместе с тем о необходимости дальнейшей теоретической работы, широкого обсуждения нерешенных вопросов, совершенствования научного арсенала историков. Монография «Древняя Индия» отразила как достижения советской и мировой индианистики, так и определенные трудности, с которыми приходится сталкиваться в настоящее время исследователям. Теоретическое значение этого большого труда далеко выходит за пределы изучения собственно Индии; как итог важного этапа работы, он несомненно окажет влияние на научную мысль специалистов по другим странам древнего Востока. Для индологов же эта ценная книга может служить солиднейшей основой дальнейших исследований.

Е. М. Медведев

* * *

Наши знания о политической, социальной и культурной истории древней Индии достигли ныне, несмотря на все еще имеющиеся существенные пробелы, такого прогресса, что любой автор, предпринявший попытку дать обзор и оценку накопленного материала во всей его полноте, заслуживает самого глубокого уважения. Это с одной стороны. С другой же стороны, к подобным обзорным трудам следует прилагать теперь более высокие мерки, нежели, например, те, которыми пользовались еще 20 или 30 лет тому назад. В особенности это относится к марксистской индологии, благодаря главным образом которой мы ныне находимся на пути к единой периодизации истории Индии, соответствующей ходу ее общественного развития.

При нынешнем состоянии исследований и современном понимании индологии не только как чисто филологической науки, но и науки, которая с помощью многих дисциплин (не только филологии, но и в равной мере и археологии, эпиграфики, нумизматики, истории религии, литературоведения, философии и многих других) стремится исследовать прошлое и

настоящее Индии, любая обзорная работа должна сегодня строиться шире, чем в прежние годы — она должна быть полнее, шире, она обязана учитывать достижения в области всех упомянутых выше дисциплин. Этому требованию в высокой степени удовлетворяет книга Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина. Хочется отметить как положительный момент, что для такого дела объединились авторы с различным кругом интересов, работающие в разных областях индологии. Г. М. Бонгард-Левин составил себе имя работами по проблемам политической истории древней Индии, по буддизму в Индии и Центральной Азии, и работами, содержащими оценку археологических находок, в то время как в работах Г. Ф. Ильина, основанных прежде всего на использовании литературных источников, разрабатывается в первую очередь социально-экономическая и культурно-историческая тематика. Благодаря совместной работе их обоих стало возможным с такой же наглядностью осветить периоды и проблемы древнеиндийской истории, дотошнее рассматривавшиеся большей частью лишь попутно (вроде, например, культуры долины Инда или истории Южной Индии), как это до сих пор делалось только в специальных публикациях, но отнюдь не в обзорном труде¹.

¹ К сожалению, этого нельзя с таким же правом сказать о трактовке арийской проблемы на материале литературных источников. Здесь замечается отсутствие достаточной координации при изложении результатов археологических и филологических исследований. Иногда выводы, извлекаемые только из данных филологии, прямо противоречат археологическим данным, причем в большинстве случаев скорее можно принять интерпретацию археологических находок (гл. III). Это касается прежде всего доарийского населения, об участии которого в истории эпохи, обозначенной как период «древнейшей цивилизации в долине Ганга» (подразумевается первое классовое общество в долине Ганга), едва упоминается. Заселение долины Ганга, например, приписывается преимущественно ариям, и в то же время археологические находки, как обстоятельно показано в главе «Арийская проблема», указывают на существование в долине Ганга культуры эпохи бронзы, которая, очевидно, была столь же высоко развита, как и культура переселившихся сюда ариев. Благодаря работам Рау, Рубена и других мы сегодня в состоянии различать по крайней мере в общих чертах арийские и доарийские элементы общества Ганга, хотя во многих случаях их наличие можно лишь констатировать, но невозможно сделать из этого дальнейших выводов. Однако ограничиваться при изображе-

Книга делится на три части. Часть первая, озаглавленная «Древнейшая Индия», рассматривает в семи главах период с палеолита и до VI в. до н. э., часть вторая (из тринадцати глав) озаглавлена «Индия в магадхско-маурийский период» (т. е. с VI в. до н. э. по I в. н. э.) и часть третья называется «Индия в кушано-гуप्तский период» (т. е. со II по V в. н. э.). Во вводной главе содержится обзор истории индологии, а также используемых источников и особенно обстоятельно рассматривается вопрос их датировки. Дополняют работу подробная библиография, частично приуроченная к главам, указатели имен, географических названий, индийских терминов и упомянутых в тексте народов, племен и каст. Все это дает возможность легко ориентироваться в работе.

Авторы вполне правомерно отводят больше места (порой целую главу) именно тем проблемам, которые имеют решающее значение для понимания индийской истории, — таким, как проблемы развития сословной и кастовой систем, сельской общины, поземельных отношений, а также характеристике рабства, изменениям в общественных отношениях, произошедшим к концу рассматриваемого периода, и т. д. Вместе с тем, в краткой форме излагается и развитие в области религии, литературы, науки (правда, о философии говорится, пожалуй, слишком кратко). Тем самым авторы охватывают в своей работе всю совокупность процесса общественного развития, хотя основная тяжесть в изложении перенесена на социально-экономическое и политическое развитие. Как выбор проблем, рассматриваемых более подробно, так и их истолкование в основном следует приветствовать. Среди них следует особо выделить три комплекса проблем: сельской общины, которой посвящена целая глава, поземельных отношений в древней Индии и перехода к феодализму, ибо они показательны для понимания истории древней Индии с позиций современного состояния исследований.

Едва ли в какой-либо другой стране сельская община в такой степени наложила отпечаток на ход общественного развития, как в Индии. Это справедливо не только для нового времени и средневековья, для которых факт этот обще-

нии доарийского общества долины Ганга только археологической стороной вопроса сегодня уже не приходится. Нужно было бы также упомянуть отстаиваемое Косамби, Р. С. Шармой и Рубеном положение об плотском типе зависимости шудр в начальный период существования классового общества в долине Ганга (хотя бы лишь для того, чтобы отмежеваться от нее).

признан², но и для древности, хотя здесь вследствие отсутствия обстоятельных исследований он часто подвергается сомнению.

Это выдающееся значение сельской общины в развитии общества в рецензируемой книге выразительно подчеркнута. Здесь на основании сравнительно немногочисленных литературных данных древнеиндийских источников, которые дают сведения по этой теме, сделан набросок картины внутриобщинной структуры и общинного управления. По достоинству оценено как место общины в структуре общества, так и ее историческое значение.

Раздел начинается с указания на разнообразие форм общины, поскольку, как пишут авторы, наряду с соседскими, или территориальными, существовали первобытные общины, которые в свою очередь различались между собой в зависимости от географических условий и занятия их жителей (земледелия, рыболовства и т. д.). Правда, продемонстрировать это разнообразие с помощью источников было бы трудно.

Что касается литературных источников, то, основываясь на них, можно воссоздать более или менее единообразный тип земледельческой общины, для других же форм общины у нас пока материал отсутствует. Но и в рецензируемой книге исходным пунктом в изложении проблемы также является, видимо, упомянутый основной тип, главные признаки которого четко обрисованы. Кратко резюмируя, они сводятся к следующим. Господствующей формой семьи была большая семья: автор справедливо указывает, что несмотря на рекомендованный в *дхармасутра* раздел отцовского наследства между сыновьями, для земли, принадлежащей семье, раздел не засвидетельствован; хозяйственные предпосылки дальнейшего существования большой семьи продолжали, таким образом, очевидно, сохраняться и после смерти ее главы. Основу внутриобщинных связей образовывали поземельные отношения частная (т. е. личная. — М. Ш.) собственность крестьянина в комбинации с коллективной собственностью общины. Коллективная собственность выражалась в совместном пользовании и распоряжении настибиной землей и в контроле со стороны общины, соответственно ее органа, за продажей пахотной земли. Чтобы представить еще яснее своеобразие

² Черновая схема «заплатского способа производства» разрабатывалась К. Марксом в числе прочих причин также вследствие факта существования сельской общины как «древнейшего коллектива». Недаром сельская община уже давно пользуется вниманием советских индологов, которые занимаются новым временем. Ср. также первую часть «Истории Индии в средние века».

отношений, можно было бы, вероятно, более четко разъяснить условность употребления понятия «собственность» для выражения отношения крестьянина к его земельному наделу внутри общины. Карл Маркс метко охарактеризовал подобные отношения, существовавшие в его время, как «земельную собственность опосредствованную общиной», а пример, заимствованный из древнеиндийской литературы, позволяет распространить эту характеристику и на древнюю эпоху. Притом право на землю было неразрывно связано с членством в общине, и если даже земля отчуждалась или через некоторое длительное время возделывалась каким-либо другим лицом, не принадлежащим к семье владельца, у семьи первоначального владельца продолжала сохраняться гарантированная членством в общине возможность вновь востребовать себе землю и получить ее обратно по возмещении расходов пользователю³. Из этого следует, что понятие «частная собственность» в полном его юридическом смысле по отношению к земле, которой владели общинники, следует применять с известной осторожностью. Крестьянин не обладал ни абсолютно свободной, независимой от общины властью распоряжаться землей, ни правом отчуждения ее⁴ путем осуществления полного, неограниченного права собственности.

В качестве важных факторов общинной организации в книге выдвигаются общественные работы жителей и, прежде всего, система сельского ремесла, существование которой, хотя и оспаривается некоторыми, но все же, вероятно, не должно отвергаться — учитывая, с одной стороны, источники, ссылки на которые приведены в соответствующем разделе (стр. 364 сл.), с другой, — особый характер товарного производства и внутренней торговли⁵.

³ Артхашастра, 3, 10, 8; 9, 19; Nār. 11, 23—24 ясно указывают на подобные отношения.

⁴ Привлекает внимание, например, существование предпочтительного права определенных групп лиц (родственников, соседей, кредиторов, общинных крестьян) на покупку; чужак мог купить землю только после их отказа.

⁵ Это предположение весьма правдоподобно, поскольку, во-первых, с одной стороны, производство товаров, как это доказано, сосредоточивалось в основном на изготовлении предметов роскоши, которые пользовались в деревне малым спросом; поскольку, во-вторых, с другой стороны, деревни, как засвидетельствовано источниками именно этого периода, получали товары для повседневного пользования — такие, как плуги, горшки и т. д., из городов; поскольку, в-третьих, засвидетельствовано и обязательное в более позднее время число сельских

Ряд вопросов можно было бы в каких аспектах углубить и соответственно уточнить. В нескольких случаях рецензент не может принять предложенную в книге интерпретацию. Так, например, утверждение, будто община иногда выступает по отношению к наемным работникам, как коллективный работодатель, определенно покоится на ошибочном понимании места источника, привлекаемого для доказательства этого утверждения (стр. 365 сл., прим. 25). Здесь речь идет не о наемном работнике, но об общественных работах и делах, в которых должен принимать участие крестьянин, если он вступает в общину; в контексте читаем: «Если *kaṣaka* (дословно „пахарь“; общее обозначение крестьян в Архашастре) селится в деревне и ничего не делает, то деревня должна взять (с него) штраф. Если он не работает (в рамках общественного дела, вроде, например, постройки оросительного сооружения, о чем говорится дальше), тогда — в двукратном размере вознаграждение (то, которое пужно было бы уплатить заместителю: о положении заместителя при подобных мероприятиях речь идет как в КА 2, 1, так и в 3, 14); если он не дает денег (на подлежащий уплате сообща налог *hirḍṇa*) или не участвует едой и питьем в проведении общего праздника, тогда его обычная первоначальная доля удваивается» (КА 3. 10, 35—37).

Не в большей степени справедливо утверждение (стр. 143 и 374), будто первоначальным обозначением для деревни были термины *gāṇa* или *saṃgha*. В. Рау, наоборот, убедительно доказывает⁶ возникновение общеупотребительного в более позднее время обозначения деревни как *grāma* из одноименного названия группы (уже более не обязательно основанных на чисто кровнородственных связях) еще продолжавших кочевать ариев, которые после оседания на землю и благодаря смешению с исконным населением превратились в сельские общины земледельцев. Напротив, для обоих упомянутых выше терминов значение «деревни» нигде не засвидетельствовано, как, впрочем, и значение «производственный коллектив», которому, очевидно, уже с самого начала соответствовало слово *grāma*. *Gāṇa* и *saṃgha* охватывали всегда более крупные объединения. Недаром они позднее становятся наиболее употребительными обозначениями военных демократий,

ремесленников (пять), и существование таких ремесленников, которые перерабатывали свое сырье в доме заказчика: поскольку, в-четвертых, денежное хозяйство не получило еще столь высокого развития, чтобы можно было предположить наличие товарного производства внутри деревень.

⁶ W. R a u, *Stadt und Gesellschaft im alten Indien*, Wiesbaden, 1959, стр. 51 сл.

которые, наряду с классовым обществом, существовали в долине Ганга и в других частях Индии. Из такой вот *saṃgha*, *saṃgha* шаклев происходил Будда, и именно по ее образцу, а не по образцу сельской общины, организовывалась община буддистов.

Ранняя история сельской общины — начиная от времени брахман ее можно по меньшей мере обрисовать в главных чертах — вообще несколько обойдена вниманием. Следовало бы также хотя бы упомянуть о состоянии исследования вопроса касательно вклада ариев и доарийского населения в создание той формы сельской общины, которая описана в книге. Кое-что требуется еще доказать, — например, наследование должности сельского старосты уже в этот ранний период, а также особо подчеркнутую во многих местах регенерацию древних форм сельских общин (каких?) в долине Ганга в раннем средневековье или наличие общего божества для каждой деревни, — что, правда, можно предполагать (это предположение можно было бы, например, подкрепить указанием на доарийские черты сельской общины, ср. работы Косамби по этой тематике), но, вероятно, только по аналогии на основании выводов из материала, относящегося к более позднему времени.

Картина общины в целом — ее структура, управление, ее относительная самостоятельность в улаживании своих дел⁷, а также оценка ее роли в обществе (стр. 368 сл.) выявляют существенно новые черты, позволяющие лучше понять характер древнеиндийского общества. Особенно ценно, как мне кажется, что сельская община характеризуется в указанном месте не просто как пережиток первобытности⁸, но как явление непреходящего значения для всего исторического развития рассматриваемого в книге общества. Это подтверждается тем, что, несмотря на постепенную утрату первобытных черт и приспособление к новым условиям, община сохраняет все свои наиболее характерные признаки. Наиболее яркий пример — внедрение в первые столетия нашей эры кастового строя в сельскую общину и последующее объединение этой системы с системой сельских ремесленников и сельских слуг в систему *jaṃmāni* — самую прочную основу

⁷ Сюда относятся наказание за определенные проступки, раскладка суммы налога, которым облагается деревня, по отдельным крестьянам, урегулирование межевых споров и споров из-за полей, защита территории общины и организация общих дел и мероприятий.

⁸ Все-таки отзвуки этой точки зрения слышатся еще в различных других местах книги, например, в связи с описанием ведической эпохи и периода перехода к феодализму.

той формы существования общины, которая подтверждается данными уже древнеиндийских источников.

Второй комплекс проблем — более общего значения — аграрные отношения. Решение этих проблем позволяет судить об отношении производителей к основному средству производства — земле. Однозначное определение аграрных отношений в древней Индии затрудняется тем, что благодаря недостаточному количеству поддающейся обработке или расчистке под пашню земли государство и его идеологов интересовала официально не столько проблема фиксации юридических понятий собственности, сколько вопрос обеспечения обработки земли и получения доли урожая, что и отразилось в источниках.

Например, постановления, касающиеся потравы полей скотом или человеком, намного более подробны, чем те, что касаются гарантии частной собственности на землю. Попытки Джулиуса Джолли идентифицировать санскритские термины, обозначающие собственность, с немецкими юридическими понятиями (он повсюду приравнивал *svāmya* к *Eigentum*, *bhoga* (*upabhoga*) к *Besitz*) — уже пройденный этап. Исследования последних десятилетий выяснили, что именно отношения собственности на землю (мы уже пытались показать это выше в связи с сельской общиной) были намного сложнее, значительно менее привычны для наших представлений, основанных на буржуазном праве. Существование крепко спаянной сельской общины и сохранение в течение длительного времени норм обычного права наложили на поземельные отношения сильный отпечаток. Вследствие этого указанная проблема — и поныне одна из самых спорных. В то же время, если рассматривать историю Индии с точки зрения мирового исторического процесса, это одна из самых важных проблем.

Автор раздела (стр. 314—322) приводит три наиболее распространенных мнения по данному вопросу и решается, исходя из фактического материала, выдвинуть самое, на мой взгляд, приемлемое. Он ставит в один ряд с государственной и царской собственностью частную и общинную собственность, резко расходясь с медиевистами, которые уже для древнеиндийского общества постулируют всеобщую верховную собственность государства на землю; на этом, по их мнению, покоится его право собирать налоги; отношения к земле крестьян и общины они понимают как «подчиненную собственность», поскольку в фактическом распоряжении земель общинных крестьян верховная собственность на землю государства не проявлялась. Однако если в целом к взгляду автора можно присоединиться, все же и здесь приходится сделать некоторые возражения (совершенно

естественные при сложности комплекса проблем) по поводу деталей в толковании трех названных им категорий. Прежде всего это относится к государственному, resp. царским землям. Между ними проводится некоторое различие (см. стр. 316 сл.). К государственным причисляются «необработанные поля, леса, пустоши», ко вторым — царские хозяйства, обозначаемые в Артхашастре терминами *sīta* или *svabhūmi*, которые, согласно данному на стр. 317 описанию, представляли собой большие поместья с собственным персоналом. Здесь хотелось бы уже с самого начала возразить, что в самих источниках не проводится различие между государственными и царскими землями, поскольку государство как бы персонафицировалось в царе. Но, кроме того, в последние годы исследователи подвергают сомнению и отождествление *sīta* и *svabhūmi* с крупными царскими латифундиями⁹. Под царской землей следует скорее понимать отдельные поля, доставшиеся царю в том случае, если на них никто более не претендовал или если тяжущиеся стороны не могли прийти к соглашению и прибегали к помощи царя как апелляционной инстанции¹⁰. Такие поля засвидетельствованы и в источниках более позднего времени, где они встречаются под различными названиями (*rajakam khattam*, *ambakam khattam*, в Южной Индии даже *sīta*), тогда как указаний на существование крупных царских хозяйств невозможно найти ни в эпиграфике, ни в других, кроме Артхашастры, литературных источниках. Сравнительно крупные территории, права на которые царя сближаются с правами настоящего земельного собственника, — это только вновь освоенные целинные и вновь заселяемые территории, описанные в Артхашастре в главе «О заселении земли», но, правда, также неизвестные по другим источникам. Так что никто не может знать, насколько этот вид собственности был представлен для всего периода, да и вообще существовал ли он в действительности.

⁹ Косамби идентифицировал *sīta* с совокушностью земель, вновь заселенных по инициативе государства (КА 2, 1); нечто подобное у Брелёра, который всю землю характеризовал как домен государства (*sīta*) и вообще говорил об отношениях соучастия в обработке земли между государством и крестьянами. О *sīta* в качестве царских и о ней можно найти в нашей работе, цитированной авторами на стр. 316, прим. 21, и независимо от нее у Г. Шарфе (H. Scharfe, Untersuchungen zur Staatslehre des Kaṭālyā, Wiesbaden, 1968).

¹⁰ Но это не были «невозделанные поля» *eo ipso*, а также, на которые со стороны владельца уже более не выдвигались претензии.

Короче говоря, права царя на землю его империи в рассматриваемый период (время Маурьев и обеих наследовавших им династий) можно было бы с некоторыми дополнениями и уточнениями изложить приблизительно следующим образом.

1. Он был сувереном над всей своей территорией и в качестве такового получал налоги с населения (а не только с крестьян); эти налоги он мог в форме дарений предоставлять брахманам и другим лицам.

2. Со времени Маурьев¹¹ он претендовал на верховную власть над землей, лежащей между сельскими общинами. Из Артхашастры известно, что на этих территориях он заводил государственные хозяйства (организовывал расчистку земли и заселение ее крестьянами, добычу сырья и рудных ископаемых, отводил территории для охоты на слонов и их разведения, а также пастбищные земли для стад, принадлежащих царю), которые затем частью продолжали свое существование, частью передавались в пользование, например, на условиях расчистки земли под пашню.

3. Он был собственником царской земли, которая уже, вероятно, в эпоху Маурьев (для более поздних столетий это доказано) состояла из подлежащих царской юрисдикции полей внутри сельских общин. Из этого фонда, между прочим, делались и дарения, акты о которых включали и право собственности получателя дара¹².

Очень четко представлено в «Древней Индии» отношение крестьян к своей земле. Фактически речь идет здесь о

¹¹ Во всяком случае, это так по свидетельству Артхашастры Каупилы. Сильная тенденция к централизации, прослеживаемая в этом тексте, равно как и некоторые другие его особенности, подробно перечисленные у Кангле, говорят в пользу его датировки эпохой Маурьев, когда впервые в истории Индии, засвидетельствованной письменными источниками, действительно имела место централизация. Стоило бы в связи с этим провести основательное сопоставление Артхашастры с надписями Ашоки, вроде, например, той попытки, хотя и не совсем убедительной, которая предпринята на стр. 265 сл. при сравнении *pradesika* надписей с *pradesiḥ* Артхашастры (в действительности, если *pradesika* является производным от *pradésa* «область, район», то *pradesiḥ* скорее связан, вероятно, с глаголом *pra-diś* «наставлять, приказывать»).

¹² Если сравнить эту точку зрения с той, которую представляют советские медиевисты, то окажется, что различия состоят лишь в том, что медиевисты толкуют эти отношения как экономические, что в данной концепции отсутствует.

ярко выраженной личной собственностью, которая, однако, как особенно подчеркивается в нескольких местах, была сильно ограничена общиной¹³. Следовало бы лишь добавить в этой связи, что случаи преимущественного права купли родственниками, заимодавцами и соседями можно найти не только в Артхашастре, как указывает автор, но и у *Kātyāyana*, и особенно часто в санскритских юридических текстах X—XV вв. Кроме того, неплохо было бы и здесь указать, что право на землю было связано с другими правами и обязанностями внутри сельской общины¹⁴.

Обзор изменений в поземельных отношениях, которые могут быть прослежены в последние столетия до н. э. и первые столетия н. э., дается в разделе «Новое в отношении к земле» (стр. 566—572). Здесь подробно рассматривается развитие форм земельных дарений в указанный период и справедливо отмечается, что в результате передачи деревень и отдельных участков земли получателям дарений частная собственность на землю последних, как впрочем, и эксплуатация зависимых крестьян собственниками земли, вначале не возникла. Одаряемый получал лишь право

¹³ Напротив, не совсем ясно, каким образом сказывалась сверх того еще и ограничивающая роль государства. Выдвинутое на стр. 567 утверждение, будто оно должно было давать разрешение на продажу земли, нуждается в доказательстве. Мне пока неизвестно ни одного подтверждающего свидетельства источников.

¹⁴ Что касается, впрочем, величины земельного владения, то полностью доверять числовым данным, приводимым в буддийской, да и санскритской литературе, вероятно, не следует, ибо здесь часто идет речь о стереотипных числах вроде 500, 800, 1000, 80000. На ум приходит, например, *jatataka*, где вначале говорится о 500 плугах, с которыми один купец приходит к другому, чтобы оставить их на хранение, и где затем в ходе рассказа не раз говорится лишь об одном единственном оставленном на хранение плуге. Нечто подобное встречается и в санскритской литературе. Чтобы показать, сколь мало реальными могут быть иной раз подобные числа, хотелось бы привести замечание В. Рау: «...Но еще менее вероятной кажется мне упряжка из шести, восьми, двенадцати или даже двадцати четырех рабочих волов. В. М. Апте хотел бы на основе этих данных сделать вывод о тяжести плугов, я же, напротив, охотнее говорил бы об алчности жрецов. Упомянутых животных должны были как раз подарить *adhvaryu*: стало быть, чем больше, чем лучше!» (*R a u, Staat...*, стр. 25).

на часть прибавочного продукта, которую ранее получало государство. Права крестьян при этом никоим образом не затрагивались. Земля, как и до этого, оставалась в личной собственности, ограниченной общиной. Проблематичной выглядит предпринятая на стр. 567 попытка показать «укрепление частнособственнического права на землю за счет государственного и общинного». Такое утверждение в наивысшей степени соответствует действительности в том смысле, что отныне внутри территории общины существует в виде царских полей земля, которая была изъята из ее непосредственной распорядительной власти и тем самым уже более не подпадала под установления обычного права. Коль скоро царь передавал эти поля в качестве *brahmadeya*, здесь, конечно, возникла частная собственность за счет государственной, resp. царской. В более же широком смысле, т. е. по отношению к полям общинников, высказанное утверждение, по крайней мере без цитирования соответствующих мест источников, понять невозможно, ибо все указывает на то, что распорядительная власть крестьян над своей землей и до, и после продолжала оставаться под контролем общины и по-прежнему ограничивалась установленными обычным правом. По этой же причине частная феодальная собственность на земли, налоги с которых царь раздавал дарениями, и на земли общин в результате дифференциации крестьянства могла развиваться лишь очень медленно; собственно говоря, последние, по сообщениям англичан, до начала британского господства так и не проделали этот путь полностью.

Третий большой комплекс вопросов, который должен быть здесь рассмотрен, это изложение авторами перехода к феодализму. Оно распадается на пять разделов, второй из которых («Новое в отношении к земле») нами уже обсуждался выше. Остальные разделы озаглавлены: «Изменение в положении рабов», «Древнеиндийские монастыри», «Развитие феодальных отношений у первобытнообщинных племен», «Азиатский способ производства и древняя Индия». Не рассматривается возникновение феодальной знати, которому в работах, посвященных этому периоду, обычно уделяется значительное внимание¹⁵, хотя на материале этой проблемы можно даже лучше показать процесс феодализации, нежели на материале проблемы поземельных отношений (например, в связи с вопросами перехода значения слова *sāmānta* от «соседний правитель» в Артахаштре к «вассал» в литературе VII и следующих столетий или прев-

ращения служилой знати в знать, состоящую из держателей лепоу).

Монастыри, прежде всего буддистские, расцвет которых падает на эпоху, переходную к феодализму, представляют интерес в двояком отношении. Во-первых, на их примере становится возможным представить характер одного из путей возникновения феодализма, хотя еще и невозможно уточнить, каким образом этот путь находил свое продолжение в развитом феодализме. Во-вторых, на основе документов о дарениях монастырям представляется возможным анализировать формы дарений земли вообще в эту эпоху. А это, в свою очередь, важно для характеристики феодальной земельной собственности и отношений зависимости. Авторы подробно останавливаются на этой проблематике.

В разделе, посвященном феодальным отношениям у первобытнообщинных племен, вызывает интерес высказанное авторами, хотя и проблематичное пока еще, предположение о развитии в Южной Индии феодальных отношений непосредственно из первобытнообщинных под влиянием Севера. Нужно было бы только выяснить с еще большей основательностью, насколько здесь действительно можно употребить обозначение «феодальный», имея в виду существование теократических царств и городов-государств, которое предполагают некоторые исследователи. Однако прежде всего следовало бы дать более четкое описание отношений, рассматриваемых в данном разделе.

«Азиатский способ производства» в том виде, как он кратко изложен на стр. 578—580, полностью и вполне правомерно отвергается. Однако два его признака, не упомянутые авторами, но особенно отмеченные у Маркса в связи с данным спорным понятием, а именно существование сельской общины и восточной деспотии в том виде, когда власть правителя распространяется на все области социальной и хозяйственной жизни, сохраняют значение и для Индии. Об этом свидетельствуют многие места самой книги. Правда, эти признаки не дают достаточного основания, чтобы предполагать наличие особого, принципиально отличного от обоих общепризнанных докапиталистических способов производства, но зато именно этими признаками определено было то, что Индия не прошла пути античного рабовладельческого общества и относится к странам, в которых существовало общество, обозначаемое ныне за немением лучшего то как «древневосточное классовое общество», то как «первоначальное классовое общество». Это общество характеризовалось сильным воздействием на первый взгляд внеэкономических факторов, вроде деспотии, которые в конечном счете происходили из

¹⁵ Ср. работы Р. С. Шарма, Лалланджи Гопал, В. Рубена и др.

совершенно определенных экономических условий.

Хотелось бы подробно разобрать содержание первого из пяти названных разделов, который должен быть рассмотрен в связи с общим пониманием рабства в обсуждаемой книге, однако это вывело бы нас за рамки рецензии, а потому мы оставляем за собой право посвятить данному вопросу специальную статью¹⁶. В принципе же следовало бы сказать уже сейчас, что обозначать рабовладение в древней Индии как «уклад, который определяет характер древнеиндийского общества» (стр. 334), значило бы сильно преувеличить его значение. Ценным является чрезвычайно богатый материал, который собран в разделах, посвященных рабству, и в этом отношении работа может быть поставлена по своему значению в один ряд с известным трудом о рабстве Д. Р. Чананы. Те отношения зависимости, которые автор объединил под общим названием «рабство», хотя они и носят весьма различный характер, следовало бы теперь классифицировать согласно новым критериям¹⁷. Таким наиболее подходящим критерием представляется мне положение зависимых по отношению к средствам производства, затем во вторую очередь — их социальное положение.

У нас нет возможности подробно коснуться всех частных вопросов, затронутых в книге или хотя бы мало-мальски полностью описать способ изложения отдельных тем. Работу весьма выгодно отличает, например, то, что несмотря на явный перевес вопросов социально-экономического развития авторы при рассмотрении отдельных периодов дают и картины идейного и культурного развития. Особенно обстоятельно описывается развитие религий (ведической, буддизма, джайнизма и индуизма). В тщательной характеристике буддизма авторы определенно продолжают традицию, ибо и в советской и до того, в русской индологии буддология всегда занимала значительное место. Обстоятельность при описании индуизма представляется мне положительной чертой, прежде всего принимая во внимание то, что

¹⁶ Сошлюсь пока на доклад, сделанный мной на Всесоюзной конференции индологов в декабре 1970 г. об отношениях зависимости в Арткашастре.

¹⁷ Долговое рабство, по моему мнению, нельзя характеризовать как рабство в обычном смысле, поскольку не совсем ясно, действительно ли должник целиком и полностью оказывался во власти кредитора или он был лишь принужден на него работать, а в остальном распоряжался еще своим собственным хозяйством.

в Советском Союзе произведения древней и новой индийской литературы становятся в переводах доступны широкому кругу читателей и что пониманию этой литературы решающим образом способствует понимание религиозных нравов и обычаев, еще и поныне столь прочно стоящих в Индии на переднем плане.

Очень хороши оценка исторического значения империи Маурьев и поправки, внесенные в зачастую уж слишком романтизируемый образ Ашоки. Некоторыми новыми фактами обогащаются наши знания о политической истории Магадхско-Маурийской эпохи. Например, датировка начала правления Чандрагупты Маурьи 317 до н. э. годом (до этого его датировали большей частью непосредственно годом похода Александра) несомненно получит всеобщее признание.

Менее удалась глава, посвященная системе каст и сословий. Не приводя сколько-нибудь убедительных контраргументов, автор отвергает тот (между прочим уже едва ли оспариваемый) факт, что термины *jāti* (букв. «происхождение», «рождение»; позднее обычное обозначение профессиональных каст) и *varṇa* («сословие») вплоть до первых веков н. э. взаимозаменяемы и служат только для обозначения принадлежности к четырем сословиям — брахманов, *ṣātriya*, *vaiśya* и *śūdra*. Автор сам отмечает на стр. 586, что только у Ману *jāti* приобретает особый смысл «каста», и однако же характеризует оба понятия, *jāti* и *varṇa* как термины, служившие для обозначения двух уже с самого начала различных институтов, не вдаваясь при этом в доказательство деталей. Благодаря этим и другим подобным неточностям, изложение вопроса часто звучит неясно и расплывчато. Об этом следует сожалеть тем более, что кастовая система является одной из важных характерных черт индийского общества.

В заключение еще одно слово по поводу использования литературных источников. Во вводной главе литературные источники обстоятельно описаны и даже датированы. Таким образом, читатель может сам составить себе картину того, какие источники о каком времени могут дать сведения. К сожалению, однако, приходится сказать — в особенности это касается глав, посвященных социально-экономическим вопросам, — об отсутствии последовательности в привязывании источников к определенному историческому периоду. Это относится прежде всего к литературе *арта* и *дхарма*. Так, для того чтобы доказать с помощью источников факт существования одного конкретного явления, данные Дхармасутры Гаутама (VI—V вв. до н. э.) часто привлекаются рядом с данными Мавадхармашастры (около II в. до н. э.) или даже Nārada-

smṛiti (около 300 г. н. э.) и Yājñavalkya-smṛiti (около IV—VI вв. н. э.). Тем самым упускается возможность выявить процесс развития явления, часто хорошо наблюдаемый в источниках. Подлинный курьез происходит при использовании данных Артхашастры Каутильи. В соответствии с мнением советских ученых этот источник в его дошедшем до нас виде характеризуется в работе как окончательная редакция текста, созданного в эпоху Маурьев, и в качестве такового датируется I в. н. э.¹⁸ И тем не менее, он привлекается глав-

¹⁸ Это мнение оспаривает Кангле в третьем томе своего труда «Arthaśāstra of Kauṭilya», так что здесь можно не вдаваться в обсуждение деталей.

ным образом для описания отношений, существовавших в эпоху Маурьев, причем нигде не говорится, какие пассажи текста следует относить к «первоначальной редакции», а какие рассматривать как плод более поздней (доныне не доказанной, да и едва ли доказуемой) редакционной деятельности.

Несмотря на приведенные выше оговорки по частным вопросам, выход рецензируемой книги следует приветствовать как важный вклад в науку, способствующий новому, лучшему пониманию древнеиндийской истории.

Своей содержательной манерой изложения и тем, как схвачена в ней самая суть новых проблем и аспектов, эта книга дает новые критерии при подходе к изучению древней Индии.

Мария Шетелих